

7. Kaplan R. S., Norton D. P. The Execution Premium: Linking Strategy to Operations for Competitive Advantage. Moscow, ZAO «Olimp-Biznes, 2010. 368 p. (In Russ.).
8. Fedyukovich E. V. Changing approaches to determining the results of modern organizations. *Russian Journal of Entrepreneurship*, 2019, 20(1). (In Russ.). DOI: 10.18334/rp.20.1.39732.
9. Turenko B. G., Turenko T. A. On a New Approach to Formation of a Strategy of Developing Small Businesses. *News of Baikal State University*, 2019, 29(3), pp. 484—490. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(3).484-490.
10. Ishchenko O. Changes in shared construction since 2020. (In Russ.). URL: <https://www.9111.ru/questions/777777777748110/>
11. Kubasova T. I., Novikova N. G., Sukhodolov A. P. Prospects and problems of developing the housing construction in Russia in terms of the latest legislative changes. *Baikal Research Journal*, 2017, 8(4). DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).23. (In Russ.).
12. Stepanova A. Developers are summing up the results: what was the year 2019 for maidens. (In Russ.). URL: https://www.dp.ru/a/2019/11/25/Zastrojshhiki_podvodjat_itogi.
13. Abakumova M. Which of the developers will survive, having lost access to the money of interest holders. (In Russ.). URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Fbiznes%2F386175-kto-iz-zastrojshchikov-vyzhivet-lishivshis-dostupa-k-dengam-dolshchikov>.
14. Kryuchkova E. The development strategy of the construction industry is directed to the government. *Kommersant*, 03.10.2019, no. 180, p. 2. (In Russ.). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4111714>.
15. Astafyiev S. A., Yakubovsky A. V., Makarova G. N., Schirinkina A. Yu., Astafyiev A. S. Problems of Renovation of Urban Areas Under the Houses of Large-Panel Serial Construction of 1960—1970 in Terms of Project Financing. *Baikal Research Journal*, 2019, 10(3). (In Russ.). DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).1.

Как цитировать статью: Светник Т. В., Федюкович Е. В. Стратегический менеджмент: от разрозненных инструментов к эффективному механизму // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 1 (50). С. 88–93. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.158.

For citation: Svetnik T. V., Fedyukovich E. V. Strategic management: from distinct tools to an effective mechanism. *Business. Education. Law*, 2020, no. 1, pp. 88–93. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.158.

УДК 330.42; 343.9.018.3
ББК 65.051; 67.51

DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.154

Shchipanov Eduard Yurievich,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Russian Federation, Rostov-on-Don,
e-mail: schipanov75@mail.ru

Щипанов Эдуард Юрьевич,
д-р экон. наук, доцент,
Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: schipanov75@mail.ru

Cherednichenko Vitaliy Georgievich,
Russian Federation, Irkutsk,
e-mail: v.g.cherednichenko@mail.ru

Чердниченко Виталий Георгиевич,
Российская Федерация, г. Иркутск,
e-mail: v.g.cherednichenko@mail.ru

К ВОПРОСУ О РЕНТНОЙ ПРИРОДЕ КОРРУПЦИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

ON THE RENTAL NATURE OF CORRUPTION: ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS

08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

08.00.12 — Accounting, statistics

12.00.08 — Criminal law and criminology, criminal-enforcement law

Коррупция сопровождала всю историю развития человеческой цивилизации, но в последние годы ее масштабы стали носить угрожающий характер: за редким исключением общество оказывается не способным решить эту проблему. Необходимой основой эффективной борьбы с коррупцией является понимание природы и процессов, лежащих в ее основе. Несмотря на обширный опыт теоретического осмысления этого социального явления, единообразия в его понимании отсутствует. Среди экономистов и правоведов широкое распространение получила

гипотеза о рентной природе коррупции, несмотря на отсутствие ее объективной аргументации. Исторические предпосылки такого рода предположения основаны на традиционно негативном отношении общества как к получателям земельной ренты, так и приобретателям выгоды коррупционного характера. В этой связи авторами осуществлено междисциплинарное исследование с целью установления возможности формализованного описания частного случая коррупции с использованием экономико-статической модели земельной ренты.

В качестве основной методологической проблемы в исследовании заявленной тематики выделена латентность процессов, как лежащих в основе формирования и распределения ренты, так и составляющих суть деяний, обеспечивающих образование коррупционного дохода. На основе разработки статистической модели рикарданской концепции ренты в земледелии осуществлено сравнение механизмов образования рентного и коррупционного доходов. В результате показано, что действия, обладающие признаками коррупционных, способны провоцировать изменение регулирующих условий образования земельной ренты и на этой основе — движение отдельных составляющих квазиренты. Вместе с тем установлено отсутствие каких-либо рентных эффектов, обусловленных коррупционным воздействием и, соответственно, составляющих источник возникновения рентных доходов коррупционного характера. На основе полученных результатов сделан вывод о необоснованности предположения об идентичности механизма формирования ренты и коррупционной выгоды и необходимости разработки самостоятельной модели коррупции.

Corruption has always been a part of human civilization development history but in recent years its amount has become threatening: with rare exceptions society fails to solve this problem. The essential basis for effective fight against corruption is understanding of the nature and processes that are in the forefront of it. Despite vast experience of theoretic comprehension of this social phenomenon there is no unity in its understanding. In spite of absence of adequate argumentation a theory of rent origin of corruption gained wide spreading among economists and legal theorists. Historical prerequisites of such theory are based on traditionally negative attitude of society to recipients of land rent as well as to corruptive profit getters. In view of this the authors have conducted cross-disciplinary research in order to set an opportunity to make a formalized description of particular case of corruption with a use of economical and statical model of land rent.

As a main methodological problem of the research the authors chose latency of processes that are in the forefront of formation and distribution of land rent as well as the essence of actions that cause formation of corruptive income. Comparison of formation mechanisms of rental and corruptive income was made based on development of statistical model of Ricardian rent concept in agriculture. As a result it was shown that the actions that have marks of corruption can cause change of regulative terms of land rent formation, and on this basis – change of separate components of quasi-rent. Herewith it was determined that there are no rental effects caused by corruptive impact and respectively making up the source of corruptive rental income. Basing on the obtained results the authors made a conclusion about invalidity of theory about identity of rent and corruptive benefit formation mechanisms and necessity of separate corruption model development.

Ключевые слова: коррупция, деловая коррупция, рента, земельная рента, потенциальная рента, дифференциальная рента, квазирента, рентный доход, коррупционная рента, рентоориентированное поведение, статистическое моделирование, коррупционные издержки.

Keywords: corruption, business corruption, rent, land rent, potential rent, differential rent, quasi-rent, rental income, corruptive rent, rent-seeking behavior, statistical modeling, corruptive expenses.

Введение

Актуальность. Доподлинно неизвестно, когда появилась коррупция — история не сохранила для нас имя первого мздоимца. Но почти наверняка можно утверждать, что это явление сопровождает всю историю человеческого общества. Увы, ограничив свою индивидуальную свободу ради возможности социального общежития, наши далекие предки сами создали условия для возникновения коррупции, ибо «всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела» [1, с. 137]. Искушение возможностью монетизации собственного, хоть сколько-нибудь выдающегося, социального статуса зачастую оказывалось просто неодолимым. Со временем такого рода плата со стороны рядовых соплеменников или сограждан постепенно превратилась для носителя власти из ее атрибута в самоцель.

При этом осознание тлетворной природы коррупции во все времена в условиях любой социальной формации вызывало ее неприятие со стороны большинства, а иногда даже со стороны власть имущих, по крайней мере когда масштабы ее распространения уже угрожали существованию самой системы, ими возглавляемой. Однако такое отношение к коррупции и многочисленные попытки ее обуздания, увы, лишь провоцировали постоянное развитие этой болезни общественного организма. В результате сегодня пылкий взгляд критически настроенного наблюдателя обнаружит в окружающем хаосе социальных взаимодействий нескончаемую череду ее проявлений. Ежедневно сталкиваясь с ней в политике, экономике и даже в быту, мы искренне негодуем, но постепенно, шаг за шагом, день за днем смиряемся с ее существованием и пытаемся подстроиться под нее, а еще лучше — «поучаствовать» в ней... А подспудно возникает ощущение некой безысходности и безнадежности борьбы с этой гидрой.

И вот уже экономисты начинают искать «приемлемый» уровень коррупции, социологи обнаруживают ее причины в глубинах национального менталитета, политики объясняют живучесть коррупции как «неотъемлемой части глобализации», а некоторые правоведа рассматривают борьбу с ней как реальную угрозу суверенитету государства [2, с. 61, 108—110].

На этом фоне значительная часть социума воспринимает мздоимство не иначе как неотъемлемый «элемент общественного договора с властью о взаимном сосуществовании», рассматривая взяточничество как неформальную, но все-таки норму взаимоотношений рядовых граждан с чиновниками, а не как вопиющее проявление социальной девиации [3, с. 35]. В свою очередь, общественные элиты, лукаво цитируя Макса Вебера, оправдывают коррупцию ее функциональностью и приемлемостью для стимулирования инвестиций и развития предпринимательства [4, с. 12]. А тем временем коррупция в нашей стране, метастазируя во все сферы жизни общества, угрожает уже самому существованию России как суверенной державы: в мировом рейтинге восприятия коррупции мы традиционно в числе аутсайдеров [5, с. 45; 6].

Так почему же обществу оказывается проще стать толерантным к многочисленным метастазам коррупции, чем обуздать ее? Причин тому множество: это и несовершенство правовой системы, и незрелость политических институтов, и апатичность гражданского общества, и многое другое. Но есть в этом перечне достаточно абстрактных констатаций существующих реалий и проблемы вполне прикладного характера. Так, не настаивая на приоритетности указываемого аспекта, полагаем, что эффективность борьбы с коррупцией в значительной мере зависит от степени изученности этого явления.

Изученность проблемы. Существующее многообразие определений коррупции, несмотря на кажущуюся их смысловую близость, приводит к отсутствию единообразия в понимании и, как следствие, невозможности формирования представлений о лежащих в ее основе механизмах (речь не о конкретных приемах мздоимства) и оценки последствий [7, с. 55—56]. Как следствие, в рамках научных изысканий происходит подмена понятий, приводящая к вырождению исследований и неприменимости их результатов. Так, например, с подачи сторонников теории общественного выбора все более широкое распространение находит позиция, в соответствии с которой коррупция рассматривается как рентоориентированное поведение (рентоискательство) лица, обладающего должностными полномочиями, а сам коррупционный доход — как административная или коррупционная рента [8, с. 54; 9]. Подобная точка зрения основывается на идентичности (по крайней мере, по мнению ее авторов, с экономической точки зрения) природы и механизма образования коррупционной выгоды и природной ренты. Причем аргументация сторонников такого рода унификации носит исключительно институциональный и эмоциональный характер.

В первом случае речь идет о выстраивании системы экономических отношений вокруг квазисобственности чиновника на полномочия, схожих до степени смешения с отношениями по поводу распределения добавленной стоимости между собственником природного ресурса и пользователем этого ресурса. Такого рода перерождение институтов настолько характерно для современной России, что отдельные исследователи указывают государственных чиновников в качестве экономических агентов, аккумулирующих рентные доходы наравне с предприятиями, использующими рентные ресурсы [10, с. 21].

Эмоциональная же составляющая признания рентного характера коррупции уходит своими корнями в анналы экономической теории, где без особого труда можно отыскать определение земельной ренты как «первопричины неравенства имуществ, тирании, несправедливых законов, порчи нравов, одичания умов и других пороков», а земельных собственников как «либо паразитов, либо мошенников» [11, с. 170]. В результате даже уважаемый землевладелец, приобретший право на получение ренты на абсолютно прозрачной и законной основе, рассматривается как получатель незаработанного (и уже потому — «незаконного») дохода, что ставит его в один ряд с прочими паразитирующими элементами, включая коррупционеров.

Помимо же эмоционального окраса отношения со стороны большинства к получателям как рентного, так коррупционного дохода (рантье и коррупционерам соответственно), лежащие в основе коррупции и образования ренты процессы объединяет еще и абсолютно латентный характер, являющийся их первородной характеристикой. Однако если в случае с рентой непрозрачность для обывателей механизма формирования и распределения является естественной и обусловлена сложностью и глубинностью составляющих его экономических и социальных взаимодействий, то относительно коррупции такого рода «невидимость» для общества — одно из основных условий существования и воспроизводства, целенаправленно создаваемое и оберегаемое интересантами этого процесса [12, с. 539; 13, с. 150].

Но так ли близки эти явления в действительности или их экономическая синонимичность — лишь плод широко распространения вульгарного подхода в экономической

науке и его закрепления в публичном трактовании положений антикоррупционного законодательства в угоду сиоимнунтной политической повестке?

Чтобы ответить на этот вопрос с максимально возможной степенью объективности, попытаемся сравнить механизмы образования рентного и коррупционного доходов. Учитывая упомянутую выше латентность рассматриваемых явлений, для решения поставленной задачи прибегнем к статистическому моделированию соответствующих процессов. При этом «спровоцируем» максимальную идентичность прочих условий: попытаемся обнаружить коррупционную составляющую (при допущении ее наличия) в процессе образования и распределения земельной ренты.

В этой связи основной целью исследования является построение формализованного представления механизма образования коррупционного дохода в рамках процесса формирования и распределения рентной составляющей добавленной стоимости при сельскохозяйственном использовании земельных ресурсов.

Целесообразность указанной разработки обусловлена открывающейся возможностью объективной проверки состоятельности гипотезы об идентичности механизмов образования рентных и коррупционных доходов.

Научная новизна исследования состоит в его междисциплинарном характере, основанном на использовании статистического инструментария для описания экономической интерпретации коррупции, являющейся прежде всего объектом криминологических изысканий. Полагаем, что именно такой подход является залогом успешного теоретического осмысления коррупции. Встречающиеся в реальной жизни коррупционные взаимодействия весьма разнообразны, вследствие чего любая попытка их систематизации неминуемо приводит к ощущению разнородности массы подобных явлений [14]. Поэтому для их изучения необходимо отвлечься от всего второстепенного, несущественного и сосредоточить внимание на анализе главных факторов, определяющих их коррупционную природу. Решить такую задачу можно только на основе разработки формализованного представления, которое наиболее близко воспроизводило бы исследуемое явление, ибо, как гласит известный парафраз И. Канта, в любой науке столько истины, сколько в ней математики.

Теоретическая и практическая значимость разработки состоит в том, что ее результаты позволяют из многочисленных и весьма неоднородных проявлений коррупции выделить наиболее важные для ее исследования и понимания взаимосвязи и в конечном счете получить абстрактную модель этого явления как основы эффективных мер антикоррупционной направленности.

Основная часть

Следует отметить наличие множества попыток использования экономико-статистических моделей в исследовании коррупции. Однако практически все они предприняты в направлении разработки инструментария для оценки экономических последствий коррупции или математической интерпретации отдельных ее проявлений [15, 16, 17, 18, 19].

Работая над решением, по сути, криминологической проблемы установления природы коррупции, мы не можем игнорировать ее экономическую составляющую, ибо в той или иной степени неизбежным следствием коррупционных деяний является перераспределение в обществе доходов и накопленных активов. В этой связи представляется весьма перспективным использование богатого опыта разработки

формальных моделей в экономической теории, благодаря которому она заслужила «репутацию самой сильной из социальных наук» [20, с. 16].

Учитывая вариативность проявлений ренты в различных сферах хозяйственного оборота, ограничим область изысканий рассмотрением ренты по плодородию в рамках использования земельных ресурсов в растениеводстве.

В качестве исходной точки исследования обратимся к статистической интерпретации рикардианской концепции земельной ренты в растениеводстве, предложенной одним из авторов. В соответствии с указанной позицией земельная рента может быть определена как «дополнительный продукт, созданный при возделывании конкретного земельного участка за счет использования его естественных характеристик при условии качественной неоднородности вовлеченных в сельскохозяйственное производство земельных ресурсов» [21, с. 144]. Таким образом, рента выступает как категория сферы производства, вследствие чего механизм ее образования не зависит от особенностей существующей социально-экономической системы.

В свою очередь, под рентными доходами понимаются «фактические поступления в пользу участников распределения земельной ренты» [21, с. 145]. Соответственно, рентный доход является результатом процессов распределения и представляет собой форму реализации ренты в условиях конкретной институциональной структуры общества.

В условиях гипотетического эквilibриума в экономике суммарный рентный доход теоретически должен приближаться по своему значению к величине земельной ренты, т. е.

$$r_t \cong R_t \text{ при } \nu_{R_j} \rightarrow 0, j = t-n, \dots, t, \quad (1)$$

где R_t — земельная рента, образовавшаяся в t -м году;

r_t — рентный доход, полученный в t -м году;

n — продолжительность периода ретроспективы (лет).

В этой связи величина земельной ренты является суммарной характеристикой всей совокупности рентных доходов:

$$R_{\text{общ}i} = \sum_{j=1}^k r_{ij}, \quad (2)$$

где $R_{\text{общ}i}$ — рента, образовавшаяся в результате использования i -го земельного участка;

r_{ij} — рентный доход, полученный j -м участником распределения земельной ренты, образовавшейся в результате использования i -го земельного участка.

При этом величина земельной ренты, образующейся при возделывании земельного участка, может быть представлена как оценка влияния его «естественных» характеристик (плодородие и местоположение) на конечный экономический результат производства:

$$R_{\text{общ}i} = R_{i1} + R_{i2}, \quad (3)$$

где R_{i1} — земельная рента по плодородию;

R_{i2} — земельная рента по местоположению.

Учитывая введенное выше ограничение области исследования, рассмотрим частный случай, когда все используемые сельскохозяйственные угодья абсолютно однородны по местоположению. В этом случае рента по местоположению не образуется, поскольку отсутствуют необходимые

для этого условия, а общий размер земельной ренты обусловлен исключительно неоднородностью сельскохозяйственных угодий по плодородию, т. е.

$$R_{\text{общ}i} = R_{i1}. \quad (4)$$

В соответствии с рикардианской доктриной оценку земельной ренты по плодородию, образовавшейся при использовании i -го участка сельскохозяйственных угодий, можно получить следующим образом:

$$R_{i1} = Q_i - Q_0, \quad (5)$$

где Q_i — стоимость продукции, полученной при использовании i -го участка;

Q_0 — стоимость продукции, полученной при использовании «худшего» по плодородию участка из возделываемых.

Помимо качественных характеристик земельных ресурсов, конечный результат аграрного производства в значительной мере определяется интенсивностью и эффективностью возделывания земли:

$$Q_i = f_i(u). \quad (6)$$

В свою очередь, это позволяет определить величину продукции, которая может быть произведена при «нормальном» уровне затрат:

$$\hat{Q}_i = f_i(u_n), \quad (7)$$

где u_n — «нормальное» (модальное) значение совокупных издержек производства на единицу площади.

Таким образом, рента по плодородию, ожидаемая при сельскохозяйственном использовании i -го земельного участка в расчете на единицу площади, может быть определена как

$$R_{i1}^n = f_i(u_n) - f_0(u_n). \quad (8)$$

В предложенной интерпретации рента по плодородию — это потенциальная величина. Поскольку и реальные условия производственной деятельности, и фактический ее результат могут существенно отклоняться от моделированных, практическая реализация земельной ренты по плодородию, как правило, не совпадает с ее потенциальным значением. При этом разница между величинами потенциальной и фактической ренты может быть объяснена отклонением интенсивности или эффективности возделывания земельных участков от принятого за норму уровня и является, по сути, квазирентой.

В первом случае можно говорить о наличии квазиренты I как избытка продукции за счет более интенсивного способа использования i -го земельного участка:

$$\vartheta_{i1} = f_i(u_i) - f_i(u_n) \text{ при } u_i > u_n. \quad (9)$$

Во втором случае представляется возможным констатировать наличие квазиренты II как избытка продукции за счет более эффективного использования i -го земельного участка:

$$\varepsilon_{i1} = Q_i - f_i(u_i) \text{ при } Q_i > f(u_i). \quad (10)$$

В конечном счете результат производственной деятельности с использованием i -го земельного участка может быть представлен следующим образом (рис. 1):

$$Q_i = f_i(u_n) + \vartheta_{i1} + \varepsilon_{i1}. \tag{11}$$

Откуда

$$Q_i = f_0(u_n) + R_{i1}^n + \vartheta_{i1} + \varepsilon_{i1}. \tag{12}$$

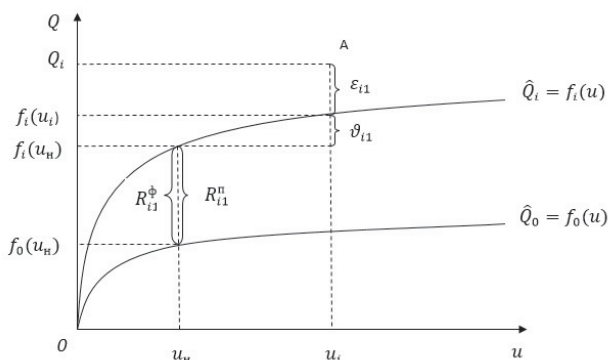

Рис. 1. Образование земельной ренты по плодородию

Соответственно,

$$R_{i1}^n = Q_i - f_0(u_n) - \vartheta_{i1} - \varepsilon_{i1}. \tag{13}$$

Очевидно, что для любого земельного участка, качественные характеристики которого превышают присущие «худшему», потенциальная рента является величиной положительной. Величина фактически реализованной ренты зависит не только от размера потенциальной ренты, но и от направления отклонений от «нормального» уровня фактических интенсивности и эффективности возделывания конкретного земельного участка. Причем в зависимости от соотношения фактических уровня интенсивности и результата возделывания конкретного земельного участка с «нормальными» значениями возможны следующие ситуации:

$$R_{i1}^\phi = 0 \forall u_i \text{ при } Q_i \leq f_0(u_n) \text{ или иначе}$$

$$\text{при } \vartheta_{i1} + \varepsilon_{i1} < 0 \text{ и } |\vartheta_{i1} + \varepsilon_{i1}| \geq R_{i1}^n;$$

$$2) R_{i1}^\phi = R_{i1}^n, \vartheta_{i1} \geq 0 \text{ и } \varepsilon_{i1} \geq 0 \text{ при } Q_i \geq f_i(u_i) \text{ и } u_i \geq u_n;$$

$$3) R_{i1}^\phi = f_i(u_i) - f_0(u_n), \varepsilon_{i1} \geq 0 \text{ и } \vartheta_{i1} < 0 \text{ при } Q_i \geq f_i(u_i)$$

и $u_i < u_n$;

$$4) R_{i1}^\phi = f_i(u_n) - f_0(u_n), \varepsilon_{i1} < 0, \vartheta_{i1} \geq 0 \text{ при } f_i(u_n) \leq Q_i < f_i(u_i) \text{ и } u_i > u_n;$$

$$5) R_{i1}^\phi = Q_i - f_0(u_n)$$

$$\text{при } Q_i < f_i(u_i) \text{ и } u_i < u_n, \varepsilon_{i1} < 0 \text{ и } \vartheta_{i1} < 0,$$

$$\text{при } Q_i < f_i(u_n) \text{ и } u_i > u_n, \varepsilon_{i1} < 0 \text{ и } \vartheta_{i1} > 0, \text{ но}$$

$$|\vartheta_{i1}| < |\varepsilon_{i1}|.$$

Представленные построения описывают механизм образования земельной ренты по плодородию в условиях отсутствия каких-либо искажений коррупционной природы. Как это ни парадоксально, но возникновение последних может приводить к абсолютно противоположным последствиям

в зависимости от формы (направленности) и степени охвата реализации коррупционером своей возможности по извлечению коррупционной выгоды.

Приходится признать, что уже на стадии разработки категориального аппарата становится очевидной невозможность прямого заимствования описанного выше подхода для формализации механизма образования экономической основы коррупционного дохода. По меньшей мере, можно утверждать, что с точки зрения объективных процессов образования добавленной стоимости коррупция не имеет фундаментальных экономических причин — она не приводит к созданию дополнительного продукта, а ее проявления могут быть обнаружены исключительно в сфере распределения добавленной стоимости. При этом любая попытка моделирования процесса образования коррупционного дохода (по крайней мере в рамках заявленных отраслевых границ изысканий) приводит к однозначному выводу об абстрактности общеизвестных определений коррупции с точки зрения разработки ее статистической интерпретации.

Сам по себе факт получения выгоды при наличии у выгодоприобретателя статуса государственного или муниципального служащего еще не является достаточным основанием для того, чтобы рассматривать описываемую ситуацию как проявление коррупции. При этом очевидная казуистика такого рода позиции опирается не столько на презумпцию невиновности (с точки зрения рядового обывателя, увы, о ней в данном случае не приходится говорить), сколько на широкую гамму возможных правовых интерпретаций действий или бездействия чиновника, многие из которых исключают коррупционную составляющую [22, с. 124—125]. Самостоятельную проблему представляет квалификация в отечественной правоприменительной практике противоправных действий коррупционного характера в условиях отсутствия в российском законодательстве понятия «коррупционное преступление» и неоднозначности перечня «преступлений коррупционной направленности» [23, с. 103].

В этой связи возьмем на себя смелость ограничить огромное количество различных сюжетов, общим свойством которых можно считать использование должностным лицом своего положения в личных целях, только теми, которые имеют очевидные перспективы стоимостной оценки или измерения последствий конфликта между действиями должностного лица и интересами его аниматора — государства (или в более широком смысле — общества). При этом все оставшиеся варианты могут быть (весьма условно) разделены на две группы в зависимости от того, на какой стадии движения добавленной стоимости они реализуются.

К первой группе мы относим коррупционные проявления, значимые для формирования добавленной стоимости в целом и земельной ренты в частности. В этом случае выгодоприобретатель (коррупционер) может рассматриваться как собственник некоего квазипродукта (квазиуслуги, квазиресурса), приобретение которого благодаря статусу его собственника является обязательным хотя бы для одного из участников процесса создания добавленной стоимости.

Во вторую группу могут быть включены коррупционные эффекты, проявляющиеся уже в сфере распределения добавленной стоимости. В этом случае выгодоприобретатель (коррупционер) рассматривается как один из участников процесса распределения земельной ренты — получатель рентного дохода.

При этом в составе коррупционных проявлений на стадии формирования земельной ренты также могут быть

выделены два возможных варианта. Первый (условно назовем его «вымогательством») предполагает, что действия коррупционера приводят к росту интенсивности при одновременном снижении эффективности возделывания сельскохозяйственных угодий, т. е.

$$Q_i = f(u_{iK}), \tag{14}$$

где u_{iK} — совокупные издержки производства на единицу площади, осуществленные при использовании i -го земельного участка в аграрном производстве с учетом коррупционной составляющей расходов землепользователя, причем

$$u_{iK} = u_i + K_i, \tag{15}$$

причем $u_{iK} > u_i$,

где K_i — коррупционная составляющая совокупных издержек производства на единицу площади, осуществленных при использовании i -го земельного участка в аграрном производстве ($K_i > 0$).

По сути, речь идет о принудительном и непроизводительном (т. е. не связанном с производством, не приводящем к увеличению стоимости произведенной продукции) увеличении затрат землепользователей. В терминах конвенциональной теории экономики соглашений такую ситуацию можно интерпретировать как плату за «доступ к полю взаимодействия» [24, с. 39].

В качестве примера такого рода действий можно назвать следующие:

- вознаграждения коррупционеру за «общее покровительство» в форме отказа от осуществления излишних контрольно-надзорных мероприятий, чреватых возникновением необоснованных санкций (эдакая современная версия средневекового оброка, вызывающая ассоциации с деяниями, описанными в ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности или иной деятельности» или ст. 290 УК РФ «Получение взятки»);
- принуждение к приобретению материалов и услуг у аффилированных с коррупционером поставщиков (ст. 289 УК РФ «Незаконное участие в предпринимательской деятельности»).

Закономерным следствием тотального распространения такого рода коррупционных действий может стать искажение регулирующих условий производства в части искусственного завышения «нормальной» интенсивности возделывания сельскохозяйственных угодий до уровня

$$u_{HK} = u_H + K_H, \tag{16}$$

где K_H — «нормальный» уровень (читай: средний, наиболее распространенный) коррупционной составляющей совокупных издержек производства на единицу площади, причем $K_H = K_{iMo}$ (рис. 2).

В условиях ограниченности ресурсов ($\sum u_i = \sum u_{iK}$) в кратчайшей перспективе это приведет к тотальному снижению эффективности землепользования, т. е. (используя введенную выше терминологию) к частичному или полному изъятию квазиренты II (ϵ_{i1}), причем еще до ее возникновения. В конечном счете такое развитие ситуации неминуемо спровоцирует сокращение стоимости общего объема произведенной продукции ($\sum f(u_{iK}) < \sum f(u_i)$). Очевидно, что при такого рода угнетающем воздействии на реализацию рентообразующих факторов экономические

потери землепользователей окажутся выше, чем полученная коррупционной выгода, т. е. $\sum f(u_i) - \sum f(u_{iK}) > \sum K_i$.

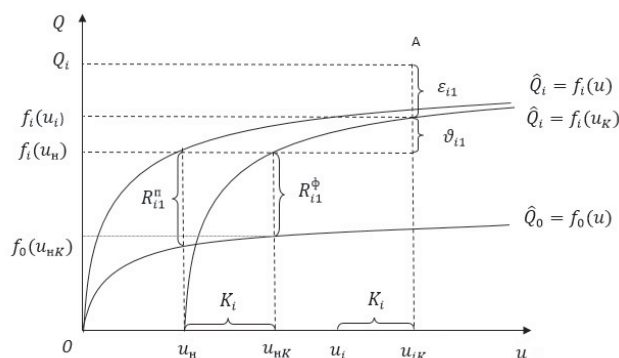

Рис. 2. Образование земельной ренты при наличии коррупционных искажений типа «вымогательство»

В результате хозяйственная деятельность части землепользователей, достаточно эффективных с точки зрения образования земельной ренты в условиях отсутствия коррупционного влияния, при возникновении последнего окажется за порогом экономической целесообразности. По сути, для получения тех же экономических результатов землепользователи будут вынуждены нести дополнительные расходы, причем абсолютно непроизводительные по своему содержанию. Поэтому в более отдаленной перспективе закономерным следствием станет сокращения объема вложений и количества землепользователей. Аналогичным образом будет прекращено возделывание части сельскохозяйственных угодий.

Следует отметить, что такого рода коррупционные искажения изначально представляются нестабильными по причине лежащего в их основе антагонизма претензий коррупционеров и интересов всех экономических агентов, участвующих в процессе образования земельной ренты. Как показано выше, собирая описанным образом «административную ренту», ее получатель тем самым своими же руками уничтожает экономическую основу своего «кормления». С другой стороны, и собственник земли, и землепользователь объективно мотивированы пытаться любыми средствами избежать дополнительных затрат коррупционного характера. В этой связи для мздоимца единственным способом обеспечения стабильности подобной коррупционной выгоды является приобретение дополнительного статуса одного из традиционных участников рентообразования.

Второй вариант (условно назовем его «воровство») предполагает, что действия коррупционера приводят к снижению интенсивности при одновременном увеличении эффективности возделывания сельскохозяйственных угодий. Всевозможные вариации подобных действий в конечном счете чреватые финансовыми потерями работодателя коррупционера — государства. В качестве примеров такого рода «рентоискательства» можно отнести:

- получение вознаграждения за непринятие мер при выявлении нарушений норм налогового, трудового и иных сфер законодательства (деяние, подпадающее под ст. 290 УК РФ «Получение взятки»);
- предоставление необеспеченного доступ к кредитным ресурсам и государственным субсидиям (ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий» или ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями»).

Всеобщее распространение подобной практики также неминуемо приведет к искажению регулирующих условий производства, но уже иного рода. Теперь речь может идти

о снижении «нормальной» интенсивности возделывания сельскохозяйственных угодий до уровня

$$u_{нК} = u_n - K_i, \tag{17}$$

где K_i — «нормальный» уровень (читай: средний, наиболее распространенный) коррупционной «выгоды» землепользователя на единицу площади (рис. 3).

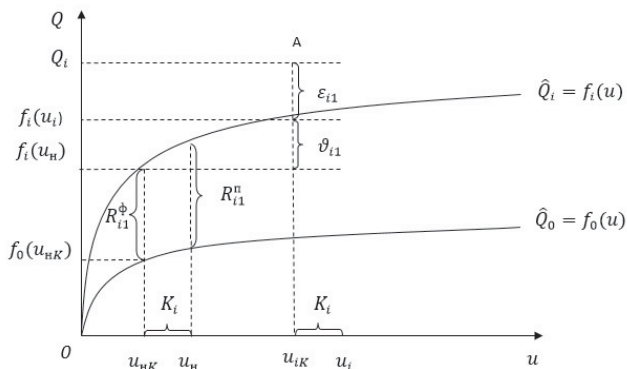

Рис. 3. Образование земельной ренты при наличии коррупционных искажений типа «воровство»

Вероятные последствия такого развития ситуации:

- снижение регулирующего уровня номинальной интенсивности возделывания земельных ресурсов и, как следствие, необоснованная и чрезмерная интенсификация землепользования, представляющая собой, по сути, соискание квазиренды II (ϵ_{i1}) при отсутствии объективных условий ее дальнейшего образования;
- вовлечение в сельскохозяйственный оборот угодий, возделывание которых при отсутствии коррупционных искажений являлось бы нецелесообразным;
- сохранение или приход неэффективных землепользователей благодаря возможности компенсации отрицательной квазиренды I (θ_{i1}) за счет квазиренды II (ϵ_{i1}).

Примечательно, что в отличие от рассмотренного ранее этот вариант «коррупционной ренты» не будет провоцировать противодействия со стороны собственников сельскохозяйственных угодий и землепользователей, поскольку в данном случае они солидарно с коррупционером участвуют в ее присвоении. По мнению авторов, такое положение делает описанную схему наиболее «перспективной» для воспроизводства в хозяйственном механизме, а потому — наиболее сложной с точки зрения предупреждения и противодействия.

Изложенные выше рассуждения основаны на допущении о всеобщем распространении коррупционных искажений, предполагающем, что использование каждого земельного участка сопряжено с такого рода процессами. Если же коррупционные воздействия носят индивидуальный характер, то описанные выше последствия будут проявляться фрагментарно. Более того, многообразие проявлений такого рода коррупционных искажений однозначно приведет к неравенству условий функционирования землепользователей. При этом определяющим станет не их эффективность с точки зрения производства, а эффективность с точки зрения доступа и использования возможностей, предоставляемых коррупцией.

Что же касается второй группы коррупционных эффектов, то их проявление представляет собой изъятие части рентного дохода в пользу коррупционера. При этом в зависимости от параметров системы распределения участниками процесса присвоения ренты и, соответственно, субъектами коррупционного воздействия могут стать практически любые экономические агенты (рис. 4).

Следует отметить, что и на стадии распределения земельной ренты коррупционное влияние ограничивается лишь искажением пропорций ее присвоения участниками этого процесса с выделением некоторой «доли коррупционера», но ни коим образом не может привести к изменению массы рентных доходов и возникновению иных доходов, кроме имеющих своим источником земельную ренту.

Рис. 4. Основные направления распределения ренты

Выводы и заключение

Результаты осуществленных изысканий позволяют нам утверждать, что действия, обладающие признаками коррупционных, способны провоцировать изменение регулирующих условий образования земельной ренты и на этой основе — движение отдельных составляющих квазиренды. В конечном счете это приводит к дополнительному отклонению фактической реализации земельной ренты от ее потенциального уровня. Вместе с тем возникновения каких-либо

новых рентных эффектов, обусловленных коррупционным воздействием и, соответственно, составляющих источник возникновения рентных доходов коррупционного характера, в ходе исследования нам обнаружить не удалось.

Таким образом, считаем возможным утверждать необоснованность предположения об идентичности механизма формирования ренты и коррупционной выгоды и необходимости разработки самостоятельной экономико-статистической модели коррупции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Монтестье Ш.-Л. О духе законов. М. : Рипол-Классик, 2018. 690 с.
2. Фисман Р., Мигель Э. Экономические гангстеры: Коррупция, насилие и бедность национальных масштабов. М. : ООО «Юнайтед Пресс», 2014. 302 с.
3. Кабанов К. В. Коррупция: общая ситуация и текущие реалии // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 34—36.
4. Пудаков Е. Р. Государственная политика Российской Федерации по противодействию коррупции. Уфа : Изд-во Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов «Академия труда и социальных отношений», 2015. 166 с.
5. Миллюков С. Ф., Никуленко А. В. Провокация в борьбе с коррупцией: диалектическое противоречие и пути выхода из него // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. Т. 10. № 4. С. 45—53.
6. Федотов Д. Ю. Уровень коррупции в России на фоне зарубежных стран // *Теневая экономика*. 2019. Т. 3. № 1. С. 17—32.
7. Балог М. М., Троян В. В. Основные подходы в вопросах определения и измерения коррупции // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2016. № 2. С. 53—65.
8. Мартьянов В. С. Рентная демократия // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2016. Т. 16. Вып. 3. С. 41—60.
9. Мартьянов В. С. Коррупция и сословно-статусная рента в России // *Сборник трудов по итогам Второй Всероссийской науч. конф.* Екатеринбург : Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2016. С. 31—48.
10. Карпиков Е. И. «Свежий» взгляд на рентную проблему // *Экономические науки*. 2004. № 6. С. 17—26.
11. Мобли Г. Избранные произведения. М. — Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. 340 с.
12. Илий С. К. Анализ основных тенденций коррупционной преступности в России // *Всероссийский криминологический журнал*. 2016. Т. 10. № 3. С. 531—543.
13. Нисневич Ю. А., Шухова А. А., Стукал Д. Л. Методологические проблемы измерения коррупции // *Общественные науки и современность*. 2016. № 3. С. 149—162.
14. Голубовский В. Ю., Синюкова Т. Н. Формы и виды проявления коррупции в современном российском обществе // *Политическая лингвистика*. 2015. № 2(52). С. 240—246.
15. Немченко Г. И. Экономико-правовая интерпретация фактов взяточничества (статистический анализ) // *Lex russica (Русский закон)*. 2019. № 5. С. 105—116.
16. Никифорова А. А. Формализация и анализ математической модели взаимодействия участников коррупционной сделки // *Молодой ученый*. 2016. № 12. С. 48—55.
17. Белокрылов К. А. Моделирование экономики коррупции: теоретические подходы // *Вопросы регулирования экономики*. 2015. Т. 6. № 4. С. 147—153.
18. Rose-Ackerman S. The Economics of Corruption // *Journal of Public Economics*. 1975. No. 4. Pp. 187—203.
19. Горбанева О. И., Угольницкий Г. А., Усов А. Б. Модели коррупции в иерархических системах управления // *Проблемы управления*. 2015. № 1. С. 2—10.
20. Richard H. Thaler. *Misbehaving: the making of behavioral economics*. New York; London : W. W. Norton & Company, 2016. 384 p.
21. Щипанова Э. Ю. Экономико-статистическое исследование земельной ренты: теория и методология : дис... д-ра экон. наук. Ростов н/Д, 2012.
22. Волконская Е. К. Криминологическая оценка современной ситуации, связанной с коррупционной преступностью в России // *Lex Russica*. 2018. № 4(137). С. 121—134.
23. Черепанова Е. В. Правовые проблемы квалификации преступлений коррупционной направленности // *Журнал российского права*. 2016. № 9. С. 101—107.
24. Даниленко Л. Н. Феномен рентиориентированного поведения в институциональном аспекте // *Мир России*. 2013. № 3. С. 35—59.

REFERENCES

1. Montesquieu Ch. L. *The Spirit of the Laws*. Moscow, Ripol-Klasik, 2018. Pp. 690. (In Russ.).
2. Fisman R., Miguel E. *Economic gangsters: Corruption, Violence and the Poverty of Nations*. Moscow, United Press LLC, 2014. 302 p. (In Russ.).
3. Kabanov K. V. Corruption: general situation and current reality. *Social sciences and modernity*, 2011, no. 5, pp. 34—36. (In Russ.).

4. Pudakov E.R. National policy of Russian Federation for fight against corruption. Ufa, Publishing house of Bashkir Institute of Social Technologies (branch) Educational institution of trade unions “Academy of Labor and Social Relations”, 2015. 166 p. (In Russ.).
5. Miliukov S. F., Nikulenko A. V. Provocation in fighting against corruption: dialectic contradiction and ways of escape from it. *Current issues of economics and law*, 2016, 10(4), pp. 45—53.
6. Fedotov D.Iu. Level of corruption in Russia comparing to foreign countries. *Ghost economy*, 2019, 3(1), pp. 17—32. (In Russ.).
7. Balog M. M., Troian V. V. Main approaches in issues of detection and measurement of corruption. *STAGE: economic theory, analysis, practice*, 2016, no. 2, pp. 53—65. (In Russ.).
8. Martianov V. S. Rental democracy. *Scientific yearly periodical of Institute of philosophy and law of Ural branch of the Russian Academy of Sciences*, 2016, vol. 16, no. 3, pp. 41—60. (In Russ.).
9. Marianov V. S. Corruption and class and status rent in Russia. *Collected works on the basis of results of the Second All-Russia sci. conf.* Yekaterinburg, Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2016. Pp. 31—48. (In Russ.).
10. Karpikov E. I. “Fresh” insight on rent issue. *Economical sciences*, 2004, no. 6, pp. 17—26. (In Russ.).
11. Mobley G. *Selected works*. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Academy of Science of the USSR, 1950. 340 p. (In Russ.).
12. Ilii S. K. Analysis of main tendencies of corruptive criminality in Russia. *All-Russia criminological magazine*, 2016, 10(3), pp. 531—543. (In Russ.).
13. Nisnevich Iu. A., Shukhova A. A., Stukal D. L. Methodological issues of corruption measurement. *Social sciences and modernity*, 2016, no. 3, pp. 149—162. (In Russ.).
14. Golubovskii V. Iu., Siniukova T. N. Forms and types of cases of corruption in modern Russian society. *Political linguistics*, 2015, no. 2, pp. 240—246. (In Russ.).
15. Nemchenko G. I. Economic and legal interpretation of bribery facts (statistical analysis). *Lex russica (Russian law)*, 2019, no. 5, pp. 105—116. (In Russ.).
16. Nikiforova A. A. Formalizing and analysis of mathematical model of corruptive deal participants cooperation. *Young Scientist*, 2016, no. 12, pp. 48—55. (In Russ.).
17. Belokrylov K. A. Modelling of corruption economics: theoretical approaches. *Issues of economics regulation*, 2015, 6(4), pp. 147—153. (In Russ.).
18. Rose-Ackerman S. The Economics of Corruption. *Journal of Public Economics*, 1975, no. 4, pp. 187—203. (In Russ.).
19. Gorbaneva O. I., Ugolnitskii G. A., Usov A. B. Corruption models in hierarchical control systems. *Control issues*, 2015, no. 1, pp. 2—10. (In Russ.).
20. Richard H. Thaler. *Misbehaving: the making of behavioral economics*. New York; London, W. W. Norton & Company, 2016. 384 p.
21. Shchipanova E. Iu. *Economical and statistical study of land rent: theory and methodology*. Thesis of the Doctor of Economics. Rostov-on-Don, 2012. (In Russ.).
22. Volkonskaia E. K. Criminological assessment of modern situation of corruptive criminality in Russia. *Lex Russica*, 2018, no. 4, pp. 121—134. (In Russ.).
23. Cherepanova E. V. Legal issues of corruptive crimes determination. *Russian law magazine*, 2016, no. 9, pp. 101—107. (In Russ.).
24. Danilenko L. N. Phenomenon of rent-seeking behavior within institutional aspect. *World of Russia*, 2013, no. 3, pp. 35—59. (In Russ.).

Как цитировать статью: Щипанов Э. Ю., Чередниченко В. Г. К вопросу о рентной природе коррупции: экономический и правовой аспекты // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 1 (50). С. 93–101. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.154.

For citation: Shchipanov E. Yu., Cherednichenko V. G. On the rental nature of corruption: economic and legal aspects. *Business. Education. Law*, 2020, no. 1, pp. 93–101. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.154.